МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В ТОМСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
120 ЛЕТ ИСТОРИИ УСПЕХА**

Материалы III Международного научного форума

12–14 октября 2021 г.

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

Н.Е. Никонова, А.К. Козлова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия
e-mail: nikonat2002@yandex.ru, asya.skarsgard@mail.ru*

НЕМЕЦКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А. ФОН МАЛЬТИЦА В ЛИЧНОМ АРХИВЕ В.А. ЖУКОВСКОГО*

Аннотация. В статье впервые атрибутируется корпус немецких стихотворений дипломата, драматурга и поэта А. фон Мальтица, сохранившихся в личном архиве В.А. Жуковского. Эпистолярный диалог двух литераторов и переводчиков вёлся на французском языке, однако отдельная указанная папка рукописей представляет собрание из более чем 20 текстов Мальтица, которые вписываются в парадигму романтизма с точки зрения жанрово-стилевых и поэтико-семантических особенностей, а также открывают ранее не известные реалии и образы дружеской переписки российских литераторов и государственных деятелей.

Ключевые слова: романтизм, поэзия, А. фон Мальтиц, В.А. Жуковский, межкультурный диалог

N.Ye. Nikonova, A.K. Kozlova

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
e-mail: nikonat2002@yandex.ru, asya.skarsgard@mail.ru*

GERMAN POEMS BY A. VON MALTITZ IN THE PERSONAL ARCHIVE OF V.A. ZHUKOVSKY

Abstract. This article examines a number of letters from the diplomat, playwright and poet A. von Maltitz, found in the archives of V.A. Zhukovsky.

---

* Исследование проведено в Томском государственном университете за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

The study was carried out at Tomsk State University under a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00083 “Russian epistolary culture of the first half of the 19th century: textology, commentary, publication”).

The epistolary dialogue between the two writers and translators was conducted in French, however, a separate specified folder of manuscripts represents a collection of more than 20 Maltitz texts, which fit into the paradigm of romanticism in terms of genre-style and poetical-semantic features. Also, these texts reveal previously unknown realities and images of friendly correspondence between Russian writers and statesmen.

Keywords: romanticism, poetry, A. von Maltitz, V.A. Zhukovsky, intercultural dialogue.

Аполлоний фон Мальтиц (1795–1870) известен в отечественной истории, в первую очередь, как российский дипломат прибалтийско-немецкого происхождения, представитель династии государственныхников, посвятивший десятилетия своей жизни представительству интересов страны в Европе и Америке. Первые строки его русскоязычных кратких жизнеописаний до последнего времени гласили лишь, что он «барон, действительный статский советник (с 1851); сын П.Ф. Мальтица, брат Ф.П. Мальтица, в службе с 1811, занимал дипломатические должности» [1], в то время как немецкие справочники указывают, что он «ein deutscher Schriftsteller mit dem Schwerpunkt Drama und Lyrik und Gesandter an verschiedenen Auslandsvertretungen Russlands» [2. S. 234] [немецкий писатель, драматург, поэт и посланник различных ведомств России]. Ситуация несколько изменилась в начале XXI в. с появлением работ историков международных отношений, посвящённых Мальтицам-дипломатам, благодаря которым стала ясна хронология послужного списка младшего из братьев, его идейная позиция и вклад в развитие российско-латиноамериканских контактов, а также восприятие его в кругу современников.

На данный момент можно с уверенностью утверждать, что Аполлоний Петрович сначала занимал второстепенные дипломатические должности в Карлсруэ, Берлине, Варшаве и Вене, в 1830 г. стал поверенным в столице Бразилии Рио-де-Жанейро, в 1837–1841 гг. был старшим секретарём российской миссии в Мюнхене; в 1841–1866 гг. был поверенным в Веймаре, ставшем к этому времени литературной столицей немецкого мира. Совершенно справедливо историки подчёркивают соединение в его личности двух противоположных, на первый взгляд, начал: бескомпромиссной верности долгу службиста и миссии государственной важности по представлению и защите инте-

ресов империи, с одной стороны; и принадлежности к ниве высокой словесности, практике перевода и сочинительства поэзии на нескольких языках на высоком профессиональном уровне. Б.Н. Комиссаров отмечает: «В мировоззренческом отношении Аполлон Петрович Мальтиц соединял в себе две противоположные по своей сути ипостаси. Одна из них – чиновник-абсолютист. Такими в России нередко бывали иностранцы, не имевшие связей, состояния и целиком зависевшие от служебной карьеры. Безукоризненно честный, истово преданный престолу, готовый поступиться всем ради выполнения долга перед ним, барон воспринимал как личное оскорбление любое поправление монархической идеи, где бы оно ни совершалось, был приверженцем традиционно-консервативного взгляда на мир вообще и российскую действительность в частности, являлся убеждённым службистом-государственником. Вторая ипостась Мальтица – немецкоязычный поэт-романтик, явно далекая от очерченной выше, но зато знаменующая глубокую семейную привязанность к культуре слова» [3. С. 109].

Учёные указывают и на общеизвестные факты участия Мальтица в российско-германском литературном трансфере, упоминая, что он был переводчиком Ф.И. Тютчева, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, древнерусских произведений на немецкий язык, а также автором около десятка изданий собственных поэтических творений, вышедших в Германии. Системного или более или менее подробного исследования литературное наследие Мальтица не получило и остаётся донныне недооценённым. В доказательство этого можно привести авторитетное высказывание о нём профессора Московского университета и члена Петербургской Академии наук С.П. Шевырева: «по языку своему он принадлежит Германии, но по чувствам, его одушевляющим, превосходному знанию русского языка и словесности мог бы быть также отнесён к литераторам нашего отечества, писавшим на иностранных языках. Глубокая мысль, сильное чувство, нередко шутивая ирония и изящно обработанный стих, выражением своим знаменующий отчётливое изучение древних, а гармониею – музыкальное ухо поэта, – вот некоторые черты лирической музыки Мальтица» [4. С. 2–3].

Восполнить пробелы в современном гуманитарном знании о российско-германском литературном билингвизме, о деятельности российских литераторов на государственной службе позволяет изучение

сохранившегося до наших дней архива Василия Андреевича Жуковского, содержащего многие ранее не привлёкшие внимания рукописи его адресатов по переписке. Среди этих материалов обнаруживаются более 40 писем Аполлониуса фон Мальтица, что составляет одно из самых полных подобных собраний зарубежных корреспондентов поэта. Эпистолярный диалог двух литераторов, переводчиков и приближенных к монаршему дому персон вёлся на французском языке, что соответствовало этикету, однако отдельная папка рукописей представляет собрание стихотворных текстов Мальтица, написанных по-немецки собственноручно или скопированных писарем [5]. Эти стихотворения прилагались к прозаическим письмам на французском и составляют интересный материал для специального исследования, некоторые результаты которого будут представлены ниже.

Как удалось установить по итогам фронтального просмотра и расшифровки готической скорописи, которой написаны стихотворения, речь идёт о следующих произведениях поэта и дипломата:

1. England 1842 im Februar [Англия в феврале 1842]
2. Gebet eines Ministers [Молитва одного министра]
3. Gebet einiger Städte [Молитва некоторых городов]
4. Peter und ... [Петр и <нрзб.>]
5. Bemerkung [Замечание]
6. Bei einem Scheiden [На прощание]
7. An sich selbst [К самому себе]
8. Schiller (während der Aufführung seines «Wilhelm Tells») [Шиллер (при постановке его «Вильгельма Телля»)]
9. An Riemer [К Римеру]
10. Die Meise [Синица]
11. Der letzte Wille (an Kanzler v. Mueller) [Последняя воля (к канцлеру фон Мюллеру)]
12. Zum 23. Oktober 1848 [К 23 октября]
13. Vater und Tochter [Отец и дочь]
14. Der Gruß des Bildes [Привет с картины]
15. Die Symplegaden [Симплегады]
16. Furch und Lohn [Борозда и вознаграждение]
17. An Jenny Lind (Als sie Goethe's Haus besuchte) [К Женни Линд (на посещение ею дома Гёте)]

18. Des Kommens Ahnen [В предвкушении прибытия]
19. Der Gegenbesuch. Ballade [Ответный визит. Баллада]
20. Der Pferdewechsel. Ballade [Смена коней. Баллада]
21. Sie fanden sich. Ballade [Они нашли друг друга. Баллада]
22. Goethe's hundertjähriger Geburtstag. Am 28. August 1849 [Столетний юбилей Гёте. 28 августа 1849]

23. Auf das Grabmal des Markgrafen Leopold Wilhelm in der Stiftskirche zu Baden. Sonett [У надгробия памятника маркграфу Леопольду Вильгельму в баденской монастырской церкви]

24. Auf den Namenstag Ihrer Majestät der Kaiserin von Rußland. Sonett [К именинам Её Величества Императрицы Российской]

Большинство из этих стихотворений было опубликовано в собраниях сочинений Мальтица «Noch ein Blatt in Lethe!» (Weimar, 1857) и «Vor dem Verstummen» (Weimar 1858), однако уже после смерти Жуковского, то есть адресат немецкой поэзии русского дипломата был одним из первых его читателей и критиков.

Жанровое своеобразие корпуса стихотворений, присланных Мальтицем, располагает к типологизации, что сближает парадигму художественного мышления двух поэтов: среди них выделяются по несколько текстов в жанре молитвы, дружеские послания и посвящения, баллады и обращения к монаршим особам. Эти формы, как известно, вполне отражают репертуар русской поэзии эпохи Жуковского и эпохи романтизма, в целом; в особенности, атмосферу литературного быта, кружковую культуру.

Это подтверждается и особенностями лирического нарратива Мальтица, склонного к ироничному самопозиционированию (особенно в стихотворениях 1, 2, 3, 16). Так, стихотворение «Die Meise» [Синица] представляет собой не что, иное как шуточное амплуа самого автора, обыгрываемое в духе арзамасской галиматши. Рукопись немецкого стихотворения является в то же время ключом к комментированию и переводу прозаических писем, проясняет одноимённую подпись дипломата на русском языке во французских посланиях к Жуковскому. Приведём здесь текст в оригинале и нашем подстрочном переводе:

*Schildern soll ich dir die Meise?
Eh'r besingen will ich sie,
Fehern sie auf Schnee und Eise,
Als Europens Kolibri.*

Должен я описать тебе синицу?
Скорее я о ней спою,
Они отдалаются от снега и льда,
Как европейские колибри.

*Kolibri folgt Blumendüften,
Ist ein Weichling, stusserhaft,
Meise schwelgt in rauhen Lüften,
Tummelt sich in Lebenskraft!
Welche Farben immer schmücken
Jenes Blumenwüstlings Tracht,
Doch mit staunendem Entzücken
Sieht das Kind der Meise Pracht.*

Колибри следует цветочным ароматам,
Неженка, глупая,
Синица упивается суровым воздухом,
Суетится в жизненной силе!
Какие цвета всегда украшают
Этой цветочной распутницы костюм,
Но с изумлённым восторгом
Видит дитя великолепие синицы.

*Als ein kleiner nord'scher Riese,
Achtet sie den Sturm nicht viel,
Schmetterling auf Lenzeswiese
Treibt nicht wonniger sein Spiel.*

Как маленький северный исполин,
Она не обращает внимания на шторм.
Бабочка на лугу
Не играет счастливее.

*Meise ist stets auf der Reise,
Niemals von Geschäften leer,
Ach, was hat zu thun die Meise,
Eh' die Sonne sinkt in's Meer!*

Синица всегда в движении,
Никогда не без дела,
О, что только не нужно сделать синице,
Скорее солнце погрузится в море!

*Meise rennet, stürzt, hüpfet,
Meise wühlet, klettert, klimmt,
Meise flattert, gleitet, schlüpfet,
Wunder, daß nicht Meise schwimmt!*

Синица бежит, падает, прыгает,
Синица копает, карабкается, лазает,
Синица порхает, скользит, ускользает,
Чудо, что синицы не плавают!

*Meise spähet, schweift, irret,
Meise schleudert, Meise hascht,
Meise pfeift, schmettert, schwirret,
Meise plündert, Meise nascht.*

Синица высматривает, блуждает, путает,
Синица швыряет, синица ловит,
Синица свистит, гремит, гудит,
Синица разбойничает, синица таскает еду.

*Meise brauset, Meise sauset,
Meise hacket, pickt und beißt;
Meise zerret, zupfet, zauset,
Meise wirret, Meise reißt.*

Синица рычит, синица шумит,
Синица колотит, клюёт и кусает;
Синица тащит, теребит, лохматит,
Синица треплет, синица рвёт.

<i>Meise kommt zum Weihnachtsfeste,</i>	Синица приходит на рождественский
<i>Meise kommt zu der Bescheer,</i>	праздник,
<i>Durch die schwer belad'nen Aeste</i>	Синица подходит к дарению подарков,
<i>Tobt der Meisen wildes Heer.</i>	Через тяжеловесные ветви
	Бушует дикое войско синиц.

<i>Und vor allen schönen Gaben,</i>	И прежде всех прекрасных подарков,
<i>Die das reiche Zimmer faßt,</i>	Которые заполняют целую комнату,
<i>Will das Kind die Meise haben,</i>	Ребенок хочет синицу,
<i>Sie, da draußen auf dem Ast!</i>	Что там на ветке!

<i>Doch genug zu ihrem Preise,</i>	Но хватит их хвалить,
<i>Daß mein Herz nicht werde schwer,</i>	Чтобы мне не стало тяжело на сердце,
<i>Denn auch ich sing einst die Meise,</i>	Потому что я только пою о синице,
<i>Und ich fange sie nicht mehr!</i>	И я её больше не поймаю!

[6. S. 230]

Орнитологический сюжет не единожды возникает в переписке в связи с самопозиционированием поэтов и самоосмыслением в контексте современной мировой литературы. При этом и в оригинальном творчестве обоих адресатов данные ореолы смыслов нарастают. По наблюдению Н.Ж. Ветшевой, «с 1797 по 1852 год Жуковским было написано 1019 стихотворений, образы птиц встречаются в 160 стихотворениях, общее число упоминаний – 216. В жанровом отношении это послания (25 произведений), басни (16), элегии, песни, оды, идиллии, эпитафии, шуточные стихотворения, арзамасские протоколы, антологическая и патриотическая лирика, детская поэзия» [7. С. 110]. Исследователь отмечает также количественное преобладание орнитологических образов в творчестве зрелого Жуковского (из шести написанных в 1851 году стихотворений половина имеет «птичью» семантику, даже на уровне заглавий). Таким образом, можно предполагать, что развитие этой образности определённым образом связано с уплотнением контактов и сотрудничества с Мальтицем. В подтверждение к этому может быть приведён и второй «птичий» сюжет рассматриваемого диалога.

В письме к Жуковскому, отправленном 2 июня 1848 г. из Веймара, читаем: «Вы меня заставили отложить Вергилия, чтобы вновь при-

няться за Гомера, Вы вернули меня от лебедя к орлу. Какое эпикурейство читать Гомера и Вергилия в саду Гёте. Без удовольствия отправив Его Императорскому Высочеству адресованное Ему письмо и тома сочинений, я принялся наслаждаться Вашими гекзаметрами. Тогда я вспомнил то, что **Шиллер** сказал о поэте: «**Weil er der Glückliche ist, kannst du der Selige seyn!**»

С самой моей молодости я упорно изучал **русский** язык, поэтому я был счастлив ещё раз восхититься Гомером и его переводчиком. По моему мнению, **Ваш перевод** гораздо лучше воспроизводит Гомера, чем **Фосс**».

Прежде всего, на себя обращает внимание насыщенность текста литературными аллюзиями: в нескольких строках письма встречаются Вергилий, Гомер, Гёте, Шиллер, Фосс и Жуковский, но комментирование их соприсутствия не является проблемой для филолога в отличие от «возвращения орла к лебедю», требующего тщательных разысканий. Стихотворные немецкие сочинения Мальтица вновь дают ключ к расшифровке подтекста, в котором на этот раз сходятся персоналии Байрона, Тютчева, а также, естественно, и самих корреспондентов, поскольку речь идёт об упоминании выполненной Мальтицем немецкоязычной адаптации стихотворения Тютчева «Лебедь», в оригинале:

Пускай орёл за облаками
Встречает молнии полёт
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.
Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего –
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.
Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон –
И полной славой тверди звёздной
Ты отовсюду окружён.

Противопоставление лебедя и орла как символов лирического и политического поэтов, характерное для поэтики классицизма, было унаследовано многими романтиками. Символическое значение образа лебедя связано с древнегреческим преданием о том, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей: ср. оду XX Горация и стихо-

творение Г.Р. Державина «Лебедь» (1804), В.А. Жуковского «Царско-сельский лебедь» (1852) и др. Антитеза лебедя и орла имеет в стихотворении ещё одно значение: Россия (в гербе которой находится орёл) противопоставляется Баварии (в гербе Людвига Баварского расположен лебедь).

Итак, немецкие стихотворения Мальтица в архиве Жуковского, по факту произведенной нами атрибуции, нуждаются в более пристальном внимании в контексте готовящегося комментированного научного издания данного эпистолярного диалога, а также в связи с тем, что наследие русского романтика В.А. Жуковского и российского дипломата, стихотворца и переводчика Аполлониуса фон Мальтица, для которого родным был немецкий язык, представляет собой предмет для дальнейших специальных разысканий с целью введения его в научный оборот.

Литература

1. Дипломаты Российской Империи. Аполлоний фон Мальтиц. URL: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/maltic-ap.html> (дата обращения: 25.10.2021).
2. Falc P.T. Apollonius Baron Maltitz. Ein vergessener baltischer Dichter // *Baltische Monatsschrift* Jg. 54 (1912). Bd. 73. Heft 4. S. 234–244.
3. Комиссаров Б.Н. Глава российской миссии в Рио-де-Жанейро в 1832–1836 гг. А.П. Мальтиц: происхождение, окружение, деятельность, дипломатический архив // *Клио*. № 9 (69). 2012. С. 104–112.
4. Мальтиц А. Тень (Баллада). Пер. С. Шевырева // *Отечественные записки*. 1840. Т. XIII. Раздел III. Словесность. С. 2–4.
5. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 291. Мальтиц А. Стихотворения на нем. яз. Три – автографы, остальные копии. На обложке надпись Жуковского. 1846–1849 гг. 28 л.
6. Die Meise // Maltitz A.B. Vor dem Verstummen. Kühn, 1858. 406 S.
7. Ветшева Н.Ж. «Опять вы, птички, прилетели...»: орнитологический текст В.А. Жуковского (на материале лирики) // *Жуковский и время: [сборник статей]*. Томск, 2007. С. 107–117.